

Мещанский Александр Юрьевич

ЭСТЕТИКА БЫТОВОГО АБСУРДА В ДРАМАТУРГИИ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ

В статье рассматривается проблема бытового абсурда в драматургии Л. Петрушевской. На различном текстовом материале показана актуальность конфликта между бытом и бытием в условиях стремительно меняющейся парадигмы цивилизационного развития России рубежа XX-XXI веков. Изучаемые драматургические произведения высвечивают сдвиги в системе ценностных ориентиров, которые долгие десятилетия поддерживали жизненные перспективы советского общества. Анализируемая тема акцентирует злободневную проблему формирования нового типа поведения, новых гендерных отношений и нового аксиологического вектора в современном социокультурном пространстве.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-2/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 2. С. 35-38. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

14. 王丽丹. 拉斯普京创作中的记忆主题 // 外语与外语教学. 2007. № 3. (Ван Лидань. Тема памяти в творчестве В. Г. Распутина // Иностранный язык и преподавание иностранных языков. 2007. № 3. С. 40-43.)
15. 王丽丹. 民族记忆与“人民”情结——拉斯普京及其新作《伊万的女儿, 伊万的母亲》 // 外语与外语教学. 2005. № 6. (Ван Лидань. Национальная память и чувство народа – В. Г. Распутина и его новая повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» // Иностранный язык и преподавание иностранных языков. 2005. № 6. С. 36-39.)
16. 王玉洁. 拉斯普京作品中的生态伦理观及其根源 // 西伯利亚研究. 2015. № 1. (Ван Юйцзе. Концепция экологической этики и ее истоки в произведениях В. Г. Распутина // Исследование Сибири. 2015. № 1. С. 59-62.)
17. 夏忠宪. 拉斯普京访谈录 // 俄罗斯文艺. 2001. № 3. (Ся Чжунсянь. Беседа с писателем Валентином Распутиным // Русская литература и искусство. 2001. № 3. С. 59-60.)
18. 杨爱华. 生态女性意识在拉斯普京作品中的表现 // 世界文学评论. 2011. № 2. (Ян Айхуа. Проявление экофеминистского сознания в произведениях В. Г. Распутина // Критика мировой литературы. 2011. № 2. С. 158-161.)
19. 杨爱华. 塔马拉·伊万诺夫娜的“双性气质”——从女性主义视角解读《伊万的女儿·伊万的母亲》 // 俄罗斯文艺. 2008. № 4. (Ян Айхуа. Андрогинность у Тамары Ивановны – изучение повести «Дочь Ивана, мать Ивана» в контексте феминизма // Русская литература и искусство. 2008. № 4. С. 42-45.)
20. 尹霖. 呼唤道德的回归——拉斯普京新作《伊凡的女儿, 伊凡的母亲》评介 // 外国文学动态. 2004. № 3. (И Линь. Призыв к возвращению к морали – рецензия о новой повести В. Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» // Перспектива в зарубежной литературе. 2004. № 3. С. 16-18.)
21. 张建华. 拉斯普京“寻根小说”的文化取向及价值迷失 // 俄罗斯文艺. 2008. № 4. (Чжан Цзяньхуа. Культурные ориентации и потери ценностей произведений о поиске корней В. Г. Распутина // Русская литература и искусство. 2008. № 4. С. 34-41.)
22. 赵杨. 拉斯普京作品中的乡土情结与民族意识 // 外国文学研究. 2007. № 3. (Чжао Ян. Чувство родной земли и национальное сознание в произведениях В. Г. Распутина // Исследование зарубежной литературы. 2007. № 3. С. 88-94.)
23. 赵杨. 《伊万的女儿, 伊万的母亲》简论——兼评拉斯普京90年代以来的创作 // 当代外国文学. 2006. № 1. (Чжао Ян. Рецензия о повести «Дочь Ивана, мать Ивана» – о творчестве В. Г. Распутина с 90-х годов // Современная зарубежная литература. 2006. № 1. С. 100-105.)

V. G. RASPUTIN'S CREATIVE WORK IN CHINESE CRITICISM OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Dong Chunchun, Doctor in Philology
Jiangsu Normal University, Xuzhou, China
dongchun125@163.com

The article examines the perception of V. G. Rasputin's creative work in Chinese criticism of the beginning of the XXI century. Providing a survey of critical works the author argues that from the beginning of the XXI century, practicing cultural and historical, ecological and feminist literary criticism, Chinese scientists contribute to multi-aspect, comprehensive and systemic development of V. G. Rasputin studies. The author aims to identify the potential to broaden and deepen Chinese Rasputin studies using comparative analysis of V. G. Rasputin's works and Chinese writers' works and establishing the internal relation between V. G. Rasputin's creative work and Chinese Taoism.

Key words and phrases: V. G. Rasputin's creative work in Chinese criticism; traditional culture; search for national roots; ecological criticism; feminist criticism; comparative studies.

УДК 821.161.1

В статье рассматривается проблема бытового абсурда в драматургии Л. Петрушевской. На различном текстовом материале показана актуальность конфликта между бытом и бытием в условиях стремительно меняющейся парадигмы цивилизационного развития России рубежа XX-XXI веков. Изучаемые драматургические произведения высвечивают сдвиги в системе ценностных ориентиров, которые долгие десятилетия поддерживали жизненные перспективы советского общества. Анализируемая тема акцентирует злободневную проблему формирования нового типа поведения, новых гендерных отношений и нового аксиологического вектора в современном социокультурном пространстве.

Ключевые слова и фразы: современная драма; эстетика абсурда; проблема быта и бытия; российское общество; Л. Петрушевская.

Мещанский Александр Юрьевич, к. филол. н., доцент
 Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (филиал) в г. Северодвинске
a.meshchanskiy@narfu.ru

ЭСТЕТИКА БЫТОВОГО АБСУРДА В ДРАМАТУРГИИ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ

В контексте современной литературно-театральной ситуации в России Л. Петрушевская известна как один из самых репертуарных драматургов постперестроечного времени. Приобретая литературную известность

как писательница «новой волны», она сразу же стала объектом жесткой критики. Л. Петрушевская, по ее собственным словам, «вела жизнь полностью запрещенного писателя. Жить было не на что. Советская власть меня не печатала и не разрешала ставить мои пьесы» [8]. Бытовой хоррор драматургических и прозаических произведений Петрушевской произвел шоковой эффект в литературно-критических кругах 70-80-х гг. Писательницу обвиняли в нагнетании «чернухи», деэстетизации литературы, сосредоточенности на низких, внелитературных темах и т.п. В художественной «мрачности» упрекал молодого автора и А. Твардовский, отказавшийся печатать ее произведения в «Новом мире». Даже учитель Петрушевской по театральной студии драматург А. Арбузов, признававший несомненный талант писательницы, подарил ей свою фотографию с надписью «от навеки перепуганного педагога» [Там же].

По сути, появление в литературе Петрушевской в значительной степени способствовало формированию так называемого «грязного реализма» как специфического художественного метода, приверженцы которого «не призывали к новой революции, не пытались найти выход из сложившейся ситуации» [4, с. 127], делая акцент на наиболее неприглядных явлениях действительности, выявляющих низменные потребности человека. По точно подобранной образной характеристике писателя Д. Быкова, «Петрушевская – это в чистом виде ожог, ожог жизнью, страшное, безутешное, нарочито усиленное переживание трагедии» [1]. Выходя на определенный уровень обобщений в поисках сжатого определения ключевого смысла, вокруг которого выстраивается проблемно-тематическое поле творчества Петрушевской, можно сказать, что «ожог жизнью» – концептуально-содержательная доминанта, пронизывающая практически все литературные тексты Петрушевской, независимо от того, в каком жанре они написаны.

Сама писательница в одном интервью определила жанровую особенность своих произведений как «русские городские страшилки» [5]. Фиксация авторского внимания на страшных, вымороченных явлениях жизни – характерная примета ее литературного творчества. Подобно Г. Лавкрафту и Э. По, Петрушевская пытается проникнуть в сферу человеческого страха, но эстетизируемые ею страхи, в отличие от трактовок американских писателей, имеют несколько иную природу. В ее произведениях находит воплощение, прежде всего, страх, имеющий бытовую основу («Время ночь», «Свой круг», «Московский хор» и др.), хотя мистико-психологическая область страха также привлекала писательницу («Песни восточных славян», «Номер один, или В садах других возможностей»).

Акцентирование бытового ужаса жизни – тема не новая для русской литературы. К ней обращались М. Салтыков-Щедрин, Л. Андреев, А. Чехов, М. Зощенко, М. Горький и др. Так, герой чеховского рассказа «Страх» Дмитрий Петрович Силин высказывает в беседе с рассказчиком мысль, которая, по-видимому, отражает писательское кредо Петрушевской: «Страшно то, что непонятно. – А разве жизнь вам понятна? Скажите: разве жизнь вы понимаете больше, чем загробный мир? <...> Наша жизнь и загробный мир одинаково непонятны и страшны» [11, с. 59].

В определенном смысле Петрушевская является продолжателем той литературной традиции, для которой быт и бытие, как писал Ю. Грифонов, «это слитно, это нельзя развязать» [10]. Драматургия Петрушевской не столько о давлении быта, сколько об отсутствии бытия, точнее осмысленного бытия. Герои драматурга, мечтающие о любви, творчестве, исключительных поступках, становятся жертвами люмпенизации, духовной инволюции. Униженные и оскорбленные бытом, действующие лица пьес Петрушевской теряют возможность реализации своих духовных способностей. Говоря словами чеховского персонажа, «весь ужас их положения в том, что им некогда о душе подумать, некогда вспомнить о своем образе и подобию; голод, холод, животный страх, масса труда, точно снеговые обвалы, загородили им все пути к духовной деятельности, именно к тому самому, что отличает человека от животного и составляет единственное, ради чего стоит жить» («Дом с мезонином») [12, с. 362].

При этом стоит подчеркнуть, что герои пьес Петрушевской – не морально атрофированные люди, они способны на живую душевную рефлексию. Но их внутренняя защитная «броня» постоянно утолщается. Они защищаются и адаптируются к тем абсурдным явлениям жизни, которые стали повседневной нормой. Неслучайно писательница называет их «недомужчинами и полуженщинами» [6]. Ее героев поражает гендерный сбой: мужчины утрачивают собственную мужественность, а женщины – женственность.

Такие герои, как Леонид («Стакан воды»), Саша («Московский хор»), Костя («Чинзано»), Толя («Любовь»), находятся в состоянии внутренней и внешней апатии, инфантилизации. «Я испытываю отвращение к физической работе. А от умственной меня тошнит», – заявляет спившийся Валера из пьесы «Три девушки в голубом» [7, с. 165]. «Я пальцем не пошевелю для себя. <...> Да пропади оно все пропадом», – вторит ему Константин из пьесы «Чинзано» [Там же, с. 23]. Женщины в пьесах Петрушевской, наоборот, приобретают жизненную закалку, о необходимости которой для выживания говорит героиня пьесы «Стакан воды» М., на собственном опыте осознавшая верность поговорки «муж любит жену здоровую, а брат сестру богатую» [Там же, с. 332].

Состояние онтологической обреченности в мире Петрушевской имеет социальные корни и усугубляется в момент обострения квартирного вопроса. Борьба за место под потолком – повторяющийся сюжетный элемент в пьесах автора. Домашняя гражданская война в пьесах Петрушевской ведется без пощады и жалости, когда в прямом смысле слова брат идет на сестру, а сын на отца. В пьесе «Московский хор» действие происходит в коммунальной квартире, в которой проживают три поколения двух родственных семей. Жизненная неустроенность, выражающаяся в отсутствии личного пространства, тесноте, усталости друг от друга, необходимости спать «валетом», усугубляется приездом бывшего отца семейства Саши, бросившего свою родню

ради другой женщины, ждущей от него ребенка. Проживание в предоставленной во временное пользование холодной комнате в бараке станции Березай вынуждает его заявить о своих правах на московскую квартиру, и атмосфера ненависти в пьесе достигает своего апогея. Дискредитация института семьи на квартирно-бытовой почве оказывается в фокусе авторского внимания и в пьесе «Уроки музыки». Появление в жизни Николая любимой девушки болезненно воспринимается его родителями, которые видят в увлечении сына лишь меркантильные посягательства «хичницы» Нади на чужую жилплощадь: «Она на нашу квартиру намастилась. Это да. А наш Николай ей ни на что не нужен» [Там же, с. 70]. В результате благие намерения по спасению сына от «пройды» коверкают судьбы молодых людей.

Как известно, человеку свойственно ко всему привыкать. И герои Петрушевской не исключение. Полученный отрицательный жизненный опыт вынуждает их воспринимать как вполне положительные качества подлость, жадность, хитрость, наглость: «Зять мой, Володя, хороший такой, жадный» («Уроки музыки») [Там же, с. 141]; «Я мужу жалуюсь, а этого нельзя, “мужу псу не показывай себя всю”» («Стакан воды») [Там же, с. 322]; «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным, это закон» («День рождения Смирновой») [Там же, с. 47]; «Нахальство – второе счастье» («Три девушки в голубом») [Там же, с. 155]; «Все люди делают друг другу зло. Так было задумано» («Московский хор») [6, с. 786].

Подобная жизненная философия вытраивает из изображаемых героев остатки человеческого достоинства и сострадания. Желание Нины («Уроки музыки») во что бы то ни стало вырваться из своей семьи, разрушаемой спивающимся отчимом, подталкивает девушку к сожительству с Николаем, равнодушным к её чувствам. Ни безразличие молодого человека, ни ущемленная женская гордость не останавливают Нину перед мечтой обрести новый дом и новую семью. У главной героини пьесы «День рождения Смирновой» любовь к детям выражается в том, что она «ради детей» отказалась от них: «Хорошо ли быть матерью-одиночкой, с отцом моложе матери на двенадцать лет, да еще и который не хочет ребенка знать, да еще и без всякой надежды? Хорошо ли это ребеночку...» [7, с. 53]. Эля Смирнова прерывает беременность не потому, что не хочет стать матерью, а потому, что не хочет, чтобы её дети познали, как и она, тернистый путь неустроенности, бедности и человеческой жестокости. Подобно Ивану Карамазову, она возвращает билет Богу на вход в этот мир для своих нерожденных детей. По сути, Петрушевская актуализирует одну из самых злободневных для современной России проблем, связанную с демографической катастрофой, вымиранием нации. Об этом размышляет в своей монографии современный театровед А. В. Вислова: «Ни для кого не секрет, что застойная бедность рано или поздно вводит человека в состояние апатии, подавляет его волю, снижает самооценку, обрывает его связи с социумом. <...> Вымирание нации происходит от безысходности, от утраты перспективы, в конечном итоге от потери смысла жизни» [3, с. 183-184].

Патологическое поведение персонажей Петрушевской не является следствием отсутствия авторской объективности и жалости, как полагает литературовед С. Рассадин [9, с. 289]. Грань безжалостности в образе автора, будучи одним из компонентов модально-оценочного плана ее пьес, предопределяется установкой на беспристрастное изображение современного быта России, порождающего антигероев Петрушевской. Процесс дегуманизации в искусстве, представленный театром Петрушевской, начинается с дегуманизации жизни, явленной на повседневно-бытовом уровне будничного сознания. Трансформация социальной жизни выражена в разрушении элементарных основ, составляющих поверхностный уровень повседневной бытовой культуры.

Герои писательницы лишены возможности внутреннего духовного роста, не выполняют своего онтологического призвания. Их природные таланты и способности не находят реализации. Тема разложения интеллигенции, которая перекликается с известной в русской классике темой гибели дворянских гнезд (И. Тургенев, А. Чехов, И. Бунин), нашла выражение в художественном мире Петрушевской. В ее романе «Время ночь» повествование идет от лица поэтессы Анны Андриановны, сравнивающей себя со своей известной тезкой Анной Ахматовой. Её любимое время – ночь, время «свидания со звездами и с Богом» [6, с. 687], время стихов, дневниковых записей. Но каждое утро Анну ждет «утро стрелецкой казни» [Там же, с. 672], неизбежной гонки на выживание, в которой она постоянно проигрывает. Распад «кривой» семьи, состоящей из искалеченных нищетой и одиночеством детей и внуков главной героини романа, приводит последнюю к моральной деменции, осознанию, что она является «лишней в жизни» [Там же, с. 643].

Врожденная интеллигентность, знание золотого фонда мировой классики не становятся для действующих лиц драматургии Петрушевской панацеей от пошлости бытовой рутины. Речь персонажей пьесы «Московский хор» насыщена аллюзиями и цитатами из произведений Грибоедова, Гоголя, Чехова, Гауптмана, Некрасова, Маяковского, Щипачева; они разбираются в живописи и классической музыке. Однако социально-бытовые «кошмары» разрушают тот слой культуры, который сохраняет в человеке человека. Героиня пьесы «Три девушки в голубом» Мария Филипповна закатывает своей дочери скандал из-за потери книг «Сто лет одиночества» и «Мэри Поппинс», произведений, призванных, по замечанию Татьяны, научить чему-то хорошему. Нравственное содержание этих книг не оставляет в душе 56-летней женщины, равнодушной к судьбе дочери и внука, никакого следа. Практически все герои пьесы «Три девушки в голубом», аллюзивно перекликающейся с чеховской «Три сестры», живут по принципу «каждый сам за себя». Возможно, именно поэтому звучащая в финальной сцене цитата из пьесы А. Вампилова «Старший сын» «все люди братья» [7, с. 237] получается в тексте Петрушевской иронично-экзистенциальную модальность.

Бытовой абсурд проникает и в сферу интимных чувств героев автора. Взаимоотношения мужчины и женщины нередко определяются имущественным вопросом. «Хочется сойтись с простой, хорошей женщиной с изолированной комнатой», – мечтает Михал Михалыч из пьесы «Московский хор» [6, с. 789]. «У меня тридцать

лет полного одиночества, были мужья, три мужчины в жизни... Последний прожил со мной один месяц... отсудил у меня половину комнаты, всё, что можно было с меня взять...» – такова история любви женщины из пьесы «Стакан воды» [7, с. 324-325]. Любовь между мужчинами и женщинами, по выражению героини «Уроков музыки», имеет сходство с собачьей «слепней» [Там же, с. 144]. В пьесе с символическим названием «Лестничная клетка» молодой человек Юра философски резюмирует результаты таких отношений, используя зоологическую лексику: «Существует женское племя с детёнышами и самцы-одиночки» [Там же, с. 276].

Мир бытового абсурда Петрушевской погружен в состояние скандала. Ссоры, склоки травмируют психику как взрослых, так и детей. Мотив скандала часто становится одним из ключевых в драматургических текстах автора. По сути, он выполняет сюжетобразующую функцию в пьесах «Уроки музыки», «Три девушки в голубом», «Московский хор», «Стакан воды», «Любовь». Принципом «я лучше сначала крикну, а потом подумаю» [Там же, с. 223] руководствуются многие герои Петрушевской. Привычка общаться на повышенных тонах является закономерным результатом деформации системы ценностей людей, привыкших не к человеческим, а к звериным отношениям. Скандал в концептуальном поле произведений Петрушевской – некая усвоенная модель поведения: герои буквально живут от одного скандала к другому.

Проблема бытового абсурда раскрывается в драматургии Петрушевской через утрачивающую целостность картину мира. «У людей толстая кожа, и пробить ее не так-то просто», – утверждал вампиловский Бусыгин («Старший сын») [2, с. 98]. В каком-то смысле «шоковая» драматургия Петрушевской – это попытка «пробить» толстую кожу зрителя, проникнуть в его душу. Автор погружает своего читателя-зрителя в мир мелочного и малосодержательного (в духовном плане) быта, эстетизация которого становится неким символическим знаком ее творчества. В драматургии Петрушевской художественно осмысляются проблемы социально-духовной инволюции семьи и общества в России второй половины XX века. В центре писательского внимания трагедия разлада личности с обществом, трагедия девальвации семьи и семейных ценностей. Бытовая среда предстает как микро модель общественного сознания. Изображение бытового абсурда эстетически и концептуально проецируется на оценку изменений, происходящих в российском обществе и выражающихся во всеохватывающей люмпенизации и разобщенности.

Список источников

1. **Быков Д.** Один [Электронный ресурс] // Эхо Москвы: сайт радиостанции «Эхо Москвы». URL: <http://echo.msk.ru/programs/odin/1652598-echo/> (дата обращения: 02.05.2017).
2. **Вампилов А.** Утиная охота: пьесы; записные книжки. Екатеринбург, 2005. 544 с.
3. **Вислова А. В.** Русский театр на сломе эпох: рубеж XX-XXI веков. М.: Университетская книга, 2009. 272 с.
4. **История русской литературы XX-XXI веков:** учебник для вузов: в 3-х частях с электронным приложением / сост. и науч. ред. проф. В. И. Коровин. М.: ВЛАДОС, 2014. Ч. III. 1991-2010-е годы. 288 с.
5. **Петрушевская Л.** (интервью) [Электронный ресурс] // “OFF THE RECORD”. 2013. URL: <http://petrushevskaya.livejournal.com/120378.html> (дата обращения: 02.05.2017).
6. **Петрушевская Л.** Как много знают женщины: повести, рассказы, сказки, пьесы. М.: АСТ, 2014. 890 с.
7. **Петрушевская Л.** Квартира Коломбины: пьесы. СПб.: Амфора, 2006. 415 с.
8. **Петрушевская Л. С.** Девятый том (авторский сборник статей) [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/138289-devyatyj-tom.html> (дата обращения: 02.05.2017).
9. **Рассадин С.** Советская литература. Победенные победители. Почти учебник. М. – СПб.: Новая газета; ИНАпресс, 2006. 388 с.
10. **Трифонов Ю.** Нет, не о быте – о жизни! [Электронный ресурс]. URL: <http://juriy-trifonov.ru/net-ne-o-byte-o-zhizni/> (дата обращения: 02.05.2017).
11. **Чехов А. П.** Избранные сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. 672 с.
12. **Чехов А. П.** Никто не знает настоящей правды... Повести и рассказы 1889-1903. М.: Панорама, 1994. 512 с.

ESTHETICS OF EVERYDAY ABSURDITY IN L. PETRUSHEVSKAYA'S DRAMATURGY

Meshchanskii Aleksandr Yur'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Branch) in Severodvinsk
a.meshchanskiy@narfu.ru

The article examines the problem of everyday absurdity in L. Petrushevskaya's dramaturgy. Using textual material the paper shows the relevance of the conflict between everyday life and existence under the conditions of rapidly changing paradigm of Russia's civilizational development at the turn of the XX-XXI centuries. L. Petrushevskaya's dramaturgic works show clearly the changes in the system of values which over the decades maintained the standards of Soviet society. The paper emphasizes the burning problem of formation of a new type of behaviour, new gender relations and new axiological vector in the modern sociocultural space.

Key words and phrases: modern drama; esthetics of absurdity; problem of everyday life and existence; Russian society; L. Petrushevskaya.